

12+

Пятеро у Первого Костра

Аглая Ковчер

каждый приносит свою искру

Аглая Ковчер

Пятеро у Первого костра

«Издательские решения»

Ковчер А.

Пятеро у Первого костра / А. Ковчер — «Издательские решения»,

Много лун назад лес был целым. Когда небо треснуло и из разлома поднялся туман, пятеро котят — Дымок, Искра, Гранит, Шорох и Мята — оказались в самом сердце беды. Той ночью каждый совершил свой поступок: один шагнул в неизвестность, другая нашла путь сквозь туман, третий выстоял там, где другие дрогнули. Их метки стали первыми знаками кланов. Их клятва у Первого костра — основой единства леса. «Пятеро у Первого костра» — история о дружбе, которая сильнее страха. О памяти, которая не даёт забыть.

© Ковчер А.

© Издательские решения

Содержание

Летопись Котозоны. Книга вторая	6
Пролог. «Та, что пишет на бересте»	7
Глава 1. «Неугомонная пятёрка»	8
Глава 2. «Старый овраг»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Пятеро у Первого костра

Аглая Ковчер

© Аглая Ковчер, 2026

ISBN 978-5-0071-2648-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Летопись Котозоны. Книга вторая

Пролог. «Та, что пишет на бересте»

Вечер был тихим и спокойным. Лёгкий ветерок гулял среди крон деревьев, принося с собой запах ночной росы и чего-то горького — того самого, что тянуло со стороны Разлома уже много лун. Где-то вдалеке ухал филин, и его голос казался таким родным, что Юки невольно расслабила плечи.

Юзи спала свернувшись возле костра, а Олэн стоял у входа в Шатёр, пока мы с котёнком расположились на ворохе листьев возле упавшей ёлки. Только там удавалось, хотя бы ночью, спрятаться от фиолетового свечения со стороны Разлома.

Передо мной лежал кусок бересты. Я процарапывала когтем строку — медленно, будто выводила тропу. Котёнок следил за мной, не мигая.

— Юки, — не выдержал он наконец, — расскажи, пожалуйста, снова ту историю.

— Я же тебе рассказывала её много раз, — с лёгким недовольством произнесла я, хоть мне и самой безумно нравилась эта история. — Но так и быть. Ещё один раз.

Поднявшись и потянувшись, я запрыгнула на ствол ёлки и посмотрела в сторону Разлома — туда, где ещё когда-то был пруд, возле которого, у самого истока, жил Хранитель Ручья и всё только начиналось.

Я помнила, как сама впервые услышала эту историю. Старейшина рассказывал её в тихие вечера, когда Разлом был спокоен и, казалось бы, ничего не предвещало беды. Мы сбивались в кучу, и даже ветер затихал, чтобы слушать.

Теперь моя очередь продолжать хранить память и передавать ее тем, кто пойдет следом за нами. Я покосилась на котёнка, так и живёт память. От кота к коту, от искры к искре.

На горке камушков у входа тепло пульсировал осколок кристалла. Будто кто-то далеко тоже прислушался. Олэн у входа на миг повернул голову к темноте — но промолчал, не стал перебивать.

— Много лун назад, — вновь, как и всегда, с этих слов начала я, — когда не было кланов и Разлома в этом лесу, множество кошачьих семей нашли свой приют здесь, вдали от Серых лент.

— А правда, что кланов не было совсем? — котёнок заморгал. — Даже Волчьего?

— Даже Волчьего, — улыбнулась я. — Все были просто котами и кругом был самый обычный лес. Мы только учились жить в гармонии с этим местом, изучали окрестности и делились добычей.

Котёнок свернулся калачиком и замер, и глаза его горели, как две искры.

— Юки, — шепнул он, — а Первый костёр сейчас горит?

— Пока мы помним, — сказала я. — горит.

Я посмотрела в сторону Разлома и начала — так, как начинал когда-то Старейшина:

— Когда лес был целым, у Первого костра собрались пятеро...

Глава 1. «Неугомонная пятёрка»

Лес был целым. Старейшины говорят: небо тогда не трескалось, воздух не пах озоном, а тени под деревьями были просто тенями. Воздух пах хвоей, мокрой корой и тёплой землёй после дождя. А по вечерам — дымом костра и молоком матерей. И всё это смешивалось в один запах, который потом назовут «запахом дома». Кошачьи семьи жили врозь — каждая со своим углом, своими тропами и своими заботами. Встречались у пруда на водопой, спорили из-за солнечной поляны и обменивались новостями. Казалось, так будет всегда.

У Старого Дуба, на опушке, жила серая кошка Ночка. С ней, всегда рядом, был Кварц — большой дымчатый кот, тихий и тёплый, как прогретый валун. От него пахло камнем и чем-то глубоким, как пещера. Когда котята прижимались к нему, они чувствовали, как под его шерстью медленно бьётся большое, спокойное сердце — как барабан, обёрнутый мехом.

Весной у них родились трое котят — и уже к первым жёлудям соседи только качали головами: один помёт, а все разные.

Дымок родился наблюдательным и дерзким: ещё не открыв глаз, он полз на шёпот ветра от входа в нору и постоянно норовил убежать в самую дальнюю часть леса, движимый огромным любопытством. Искра — быстрой и хитрой: ко второй луне она научилась притворяться спящей, чтобы потом, когда все уснули, прошмыгнуть наружу и отправиться на охоту за излюбленными белочками. А Шорох был маленьким, но с большими чуткими ушами: он слышал муху за три сосны от себя и просыпался раньше всех, даже раньше Ночки.

С ними всегда бегали ещё двое: Гранит из соседней семьи — широкоплечий тихоня, который умел стоять на одном месте так долго, что ему на голову могла сесть бабочка, — и Мята, озорная кошка, вечно пахнувшая землёй и чем-то сладким, из-за своей любви к травам и корешкам.

Этой весёлой компанией котята могли целыми днями носиться и играть вокруг Дуба и поляны, от зари до зари. Постоянно придумывая для себя интересные приключения и получая нагоняй от взрослых котов.

— Тихо, — вдруг поднял уши Шорох. — Кто-то идёт. Большой и хромает.

Пятёрка замерла и нырнула в папоротник. Миг спустя на опушку, припадая на лапу, выбрался дед Скрип — старейший кот леса, с голосом таким скрипучим, что от него разлетались даже птицы.

— Да это же дед Скрип! — первой фыркнула Искра и покатила по траве от смеха.

— «Да это же», — фыркнул старик, не улыбаясь. — Снова отправляетесь в путешествие, малыши? Смотрите там поосторожнее. Духи леса сегодня не такие спокойные, как всегда, не ровен час как бы чего не случилось.

Но котята уже не слышали последних слов старого кота, ведь весёлой гурьбой, громко мяукая и смеясь, они прыгнули в кусты малины и умчались играть дальше.

В догонялки Искра, как всегда, жулила: считала до десяти с прищуренными глазами, а потом «находила» всех за минуту. Когда Гранит бурчал, что это нечестно, она лизала его в ухо

и говорила, что хорошая охота дороже честного счёта. Мята хохотала до упаду, а Дымок, тем временем, уже взбирался на сухое дерево.

Выше. Ещё выше. Туда, где ветки тонкие и лес видно до самого края.

— Я вижу весь лес! — кричал он вниз. — И пруд! А за лесом — серую ленту!

— Слезай, Дымок! — крикнул снизу Шорох, трусливо прижав уши к макушке — Если свалишься, лапы отобьёшь, а мы от мамы получим!

Дымок слезал медленно, с дикой неохотой. Но в глазах его горело: однажды он обязательно посмотрит, что там, за серой лентой.

Но вдруг под ним треснула сухая ветка — и вниз сорвалось висевшее на ней осиное гнездо. Котята бросились врассыпную, но Мята запнулась и упала. Гранит прыгнул к ней и закрыл собой, прижав к земле. Осы злобно загудели, кружа, — и улетели.

— Ушли, — спокойно сказал Гранит, поднимаясь.

Мята из-под его лапы смотрела на него круглыми глазами. С тех пор она всегда садилась рядом с Гранитом.

На другой день вся компания побежала к пруду — напиться и похвастаться друг перед другом, кто выше прыгнет через ручей.

У истока сидел Хранитель Ручья — старый пёстрый кот с рваным ухом, который жил у воды и слушал её, сколько помнили себя коты в этом лесу. Котята промчались мимо с шумом, но он даже не открыл глаз.

— Дед Хранитель! — крикнула Искра. — Идём играть!

— Вода не играет, — ответил он, не открывая глаз. — И я не буду.

Дымок, конечно, забрался ближе всех — к самому истоку. Вода там была прозрачной и холодной, и в ней видно было что-то ещё — будто сон под поверхностью.

— Дед Хранитель, — спросил Дымок, — а что она делает?

— Вода в последнее время видит сны, — сказал Хранитель. — Тихие. Не мешайте ей.

Котята переглянулись и тихонько отошли. Только Дымок обернулся: вода у истока дышала едва заметно, как кошка в лёгком сне.

А вечером, когда вдоволь нагулявшись и вернувшись домой, все лежали кучей на тёплых корнях. От корней пахло землёй и сладкой гнилью — тем самым запахом, который бывает только в старых лесах. Где-то вдалеке стрекотали сверчки, и их песня была такой привычной, что никто не замечал, как она убаюкивает. Мята где-то выкопала сладкий корешок и поделилась с каждым по очереди, а потом долго лизала Шороху поцарапанную об ветку лапу — медленно, старательно, пока царапина не перестала болеть.

Кварц лежал с краю кучи, и котята подталкивались к нему боком по одному: под отцом было тепло и спокойно, как за каменной стеной. Перед сном Дымок тронул лапой маленький камушек, который Кварц принёс ему вечером. Камушек был гладкий, как отполированный водой, и тёплый — не от солнца, а как будто внутри него билось крошечное сердце. Дымок прижал его к груди и почувствовал: ему тепло. Так тепло, что захотелось мурлыкать.

Поодаль сидели Ночка и дед Скрип, и тихо так, между собой, разговаривали:

— Им всего несколько лун, а уже такие разные. А вроде только вчера появились и были маленькими пушистыми комочками.

— Лес метит таких, — произнёс Скрип. — Смотри, Ночка. Такие живут не просто.

Ночка хотела спросить, что он имеет в виду. Но старик сделал вид что задремал, и мурчание его было похоже на ветки старого дуба.

Солнце село за деревья. Опушка стала медовой. Котята лежали животами кверху, считали первые звёзды и спорили, чья звезда ярче.

И вдруг Шорох наострил уши и сел.

— Слышите?.. Небо зарычало.

— Небо не рычит! — фыркнула Искра.

— Рычит, — шепнул Шорох. — Далеко. За серой лентой.

Котята засмеялись и повалили друг друга в траву. Не смеялся только дед Скрип. Он медленно приоткрыл глаза, поднял голову и долго смотрел в небо — ясное, звёздное, спокойное.

В ту ночь он так и не уснул.

Глава 2. «Старый овраг»

Старейшины говорят: большие беды никогда не приходят громко. Они приходят тихо, как кот ловит мышь, — сначала ничего не слышно, а потом уже поздно.

Тот день начинался как обычно. Солнце стояло над Старым Дубом, тени прятались под корнями, кузнечики спорили в траве, чья она.

В полдень небо зарычало. Не как гром. Гром приходит издалека и пахнет дождём. Этот рык был прямо над головой — сухой и тонкий, будто треснул лёд на реке в первые дни весны. И сразу же в нос ударил запах — резкий, металлический, как кровь на зубах. От него защипало в глазах и заныли усы. Котята инстинктивно прижали уши.

А потом небо расколосось.

Тонкая фиолетовая полоса прошла от края до края, как царапина когтя по коре дерева. Птицы замолчали на полуслове и стали разлетаться кто куда. Ветер остановился. И весь лес, на миг, охватил резкий запах озона.

Коты замерли, где стояли.

У пруда не допили коты из семей, что жили у балки. На солнечной поляне серый кот, гнавшийся за бабочкой, сел на хвост и уставился вверх. А дед Скрип, дремавший на корнях Старого Дуба, медленно поднял голову и долго — дольше, чем кто-либо решился бы, — смотрел в небо.

— Началось, — скрипнул он наконец.

Никто не спросил, что началось. Старые, казалось, знали. Молодые — боялись узнать.

Вечером на Поляне никто не пел. Взрослые говорили вполголоса, и слова отрывками доносились до норы котят: «земля болеет», «старые приметы», «вернулось». А потом сквозь ветки прорвались два голоса — отчётливо.

— Это люди, — сказал серый кот громко. — Их ленты. Их гром. Это они раскололи небо.

— Нет, — скрипнул голос Скрипа тихо, но так, что все замолчали. — Небо трескается изнутри. Когда мир начинает забывать — он трескается.

Ночка прижала котят к себе так крепко, что Шорох пискнул.

— Мам, ну что такое? — спросила Искра.

— Ничего, — соврала Ночка. Но одно она сказала честно, — К старому оврагу не ходить. Земля там теперь плохая.

Запрет для котёнка — как ветер для огня на сухой траве: только раздувает.

К третьему дню взрослые начали успокаиваться, а вот котяткам становилось ужасно скучно. Солнце было то же. Травы та же. Жуки те же, а с Поляны никуда нельзя.

Хуже всех было Дымку. В день, когда треснуло небо, он один успел увидеть, куда упала полоса, — за старым оврагом, там, где земля поросла бурьяном и куда никто не заглядывал уже целое лето.

— Она упала прямо туда, — говорил он в сумерках, когда пятёрка собралась за норой.
— Я сам видел.

— И что там теперь? — виляя хвостом спросила Искра.

— Не знаю. Вот и интересно.

Шорох молчал долго, поворачивая уши к темноте.

— Там словно кто-то плачет, — сказал он наконец. — Тихо, как котёнок.

— Трещина плачет? — фыркнула Искра.

— Нет, — шепнул Шорох. — Как будто кто-то за ней.

Гранит тяжело вздохнул. Ему не хотелось никуда идти. Но он знал: если не пойти с ними, то они пойдут одни, и тогда отвечать перед Ночкой будет он. Мята кивнула, будто прочитала его мысли, и выкопала корешок в дорогу.

Ускользнули они в сумерках, когда взрослые снова собрались у Старого Дуба — теперь уже спорить громко, о том, что делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.